

жили характерами, они обогатили друг друга своим духовным миром, опытом, знаниями. Оба неизменно притягивали к себе окружающих: Александра Николаевна – обаянием, женственностью, мягкими и скромными манерами, Борис Юльевич – энергией, блеском, удивительным сочетанием разных дарований. Это был гармоничный и счастливый союз, счастливая семья, отличавшаяся истинной духовностью, высокой культурой, щедро делившаяся с людьми своим богатством: научным, артистическим и человеческим.

В одном из некрологов, опубликованных после смерти Б.Ю.Прегеля (он скончался в декабре 1976 года), было сказано главное: умер “известный ученый, бывший президент Нью-Йоркской Академии наук, автор многих научных работ, общественный деятель и филантроп. В его лице Зарубежье потеряло не только известного деятеля и ученого, но и человека, горячо преданного русской культуре... С ним ушел от нас один из немногих оставшихся в Зарубежье истинных представителей русской культуры”*. В июне 1977 года во Всемирной Академии наук, где Бор.Юл. ранее занимал пост председателя, был установлен его мраморный бюст, а через год состоялась еще одна торжественная церемония в Нью-Йоркской Академии наук. В память о покойном его друзья и коллеги преподнесли Академии живописный портрет Бориса Юльевича, написанный русским художником-эмигрантом. Александр Николаевич не стало в июне 1984 года. Ее работы находятся в музеях Нью-Йорка, Праги, Иерусалима, во многих частных собраниях. Сохраним же и мы эти имена в нашей благодарной памяти.

* Современник. 1977, N33-34.

Париж. 1942 г.

Великая галереяница

Валентин Воробьев
(Париж)

Торговля искусством, веками служившая предметом развлечения и наживы сильного пола, обрела новый, ослепительный блеск с появлением Дины Верни, женщины библейской красоты, невиданной храбрости и пронзительного ума.

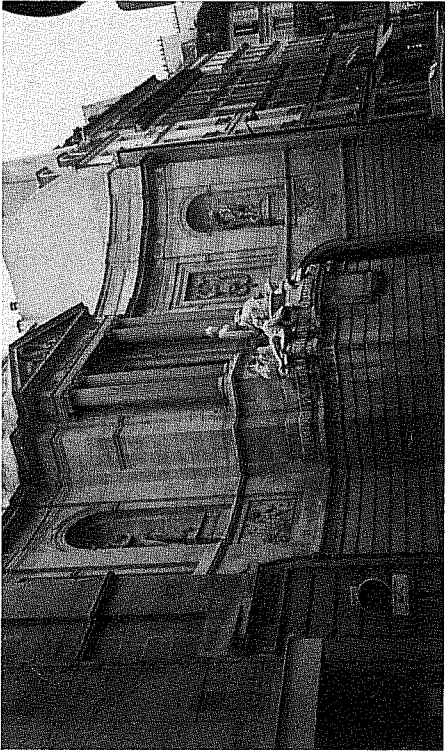
20 января 1955 года, в чрезвычайно торжественной обстановке, в присутствии президента Франции и “всего Парижа”, состоялся с открытием Музея изобразительных искусств имени Аристида Майоля, созданию которого посвятила всю свою жизнь парижская галереяница.

Дина родилась в Одессе в 1917 году в семье музыканта Ефима Эйбиндера, симпатизировавшего меньшевикам.

Одесса 20-х годов походила на большой вшивый рынок, где вчерашние победители “Антанты” и Белой армии скупали валютные ценности, торговали фальшивыми паспортами и создавали эфемерные тресты типа “Рога и копыта” в перебежку с постоянными облагами, судами, расстрелами и высылкой за границу.

В семейном архиве Дины Верни нет телеграммы, подписанной товарищем Лениным, но красочная легенда об освобождении Ефима Эйбиндера из тюрьмы, очевидно, возникла на основании Указа СНК от 6 февраля 1922 года с пометкой Первого вождя – “произвести серьезные умягчения”.

Ленинские “умягчения” коснулись и многих одесских социалистов, вместо Сибири высланных за границу. Вождей русского социализма – Юлия Маргова (основателя РСДРП и с Лениным на “ты”), Михаила Скобелева, Ираклия Церетели

Музей Майоля, ул. Гренкель, 59

Вейсберг, Ситников, Краснопопцев, Рабин, Архангельский, Неизвестный, Белогин, Соостер, Кабаков, Нусберг.

В фрондирующем и глухом Ленинграде, где несомненным вождем подпольного творчества был Евгений Рухин, лепивший по десятку абстракций в день, Дина выбрала одного молда, Мишу Шемякина, рисовавшего занятные завитушки древнего Петербурга, очень упорного и свободомыслящего художника. Молодому человеку с обликом кабардинского князя самой судьбой было предназначено атаковать слесивый Запад.

После изнурительной торговли с властями, бумажной волюкиты и неотразимых финансовых средств парижанки молодой авангардист 17 октября 1971 года приземлился в Париже. Исторически "богатый художник" не существует.

Трудно представить богачом безымянного гения средневековья, где бы он ни трудился – в Китае, Греции, Италии, России. Художника приравнивают к трудовым людям особенно ремесла.

Союз Дины с гордым питерским авангардистом закончился разрывом. Житель захолустного Питера просил больше и больше. Скроменная и сытая жизнь под боком у хозяйки его не устраивала. Михаил Шемякин прочно стоял на ногах. Через год они с боем расстались.

Московские избранныки оказались стоворчивей. Они не рвались в Европу и на совесть трудились по домам. В 1973

году галерейщица устроила Архангельскому, Кабакову, Булатову, Янкилевскому, Рабину выставку с ярким каталогом. Благодаря отлично налаженной экономической машине Дины Верни началось триумфальное шествие так называемого "Среденского кружка".

В самостийных затеях эмигрантов, нахлынувших в Париж в семидесятые годы, Дина Верни не принимала участия. Лишь изредка она давала займы одну-две картины из своей коллекции для выставок "нонконформистов". Вся энергия галерейщицы уходила на строительство музея, начатое в 1977 году на старинной улице Гренкель. Постепенно, комната за комнатой, квартира за квартирой, Дина скупала старинное здание монастыря с фонтанами питьевой воды, украшенными в XV веке.

После кончины сына скульптора Майоля коллекция стала еще больше. Сын доверил Дине не только работы отца, но и свои произведения.

В 1978 году скульптор Игорь Шелковский затеял издавать журнал по искусству, пропагандируя новые веяния под названием "советский концептуализм", где основное место занимал "Среденский кружок". Дина Верни охотно помогла ему деньгами. Вышло всего шесть номеров журнала "А-Я", но он сыграл свою роль в русской культуре.

В 1985 году, словно чувствуя решительные перемены в советской России, Дина Верни организовала первую выставку Илье Кабакову, замечательному художнику-концептуалисту, работавшему с материалом бытового абсурда Москвы. Пожар, в первый раз французская, а затем и европейская пресса всерьез обратила внимание на художественные достоинства русского художника, а не на политическое инакомыслие. Через два года, уже с помощью официальных организаций СССР, выставка Кабакова с большим успехом прошла в парижском Доме художника. Главная часть произведений поступила из собрания Дины Верни.

Еще в 60-е годы лондонский галерейщик Эрик Эсторик скупал произведения советского запрещенного искусства. После провальных выставок 64-65 годов картины Оскара Рабина, Дмитрия Плавинского, Эрика Неизвестного гнили у Эсторика в запаснике. Дина Верни их выкупила и перевезла в парижский музей. Составляя персональную выставку в Русском музее Ленинграда, Оскар Рабин, сейчас проживающий в Париже, воспользовался собранием Дины, где были лучшие его вещи 60-х годов.

Собрание работ уроженцев России первой половины XX века — Кандинского, Пуни, Шаршуна, Полякова — следует считать лучшим в Париже. Галерея популяризирует большое количество работ эмигрантов “третьей волны”, и, очевидно, на стенах музея появятся новые имена, неизвестные широкой публике.

Двадцать семь залов дворца вмещают не только картины, скульптуры, инсталляции, графику, но и отдел старинных кукол, и каретный сарай, где собраны резные и пестро раскрашенные экипажи домоторной эпохи.

В детстве Дина мечтала стать химиком, потом актрисой кинематографа, но стала первой галерейщицей Парижа, а возможно, и всей послевоенной Европы.

Ее маленькая галерея в Латинском квартале не менялась с 46-го года. В ней по-прежнему сидит постоянный служащий и постоянно проходят выставки.

В свои восемьдесят лет Дина Верни полна энергии и замыслов. Ей помогают взрослые сыновья, Оливье и Бертран, посвятившие жизнь искусству и торговле.

Дочка русских евреев, собиравшая стекляшки в Одессе, стала выдающимся культурным деятелем Франции, организатором и строителем Музея изобразительных искусств в Париже.

Слава Дине Верни!

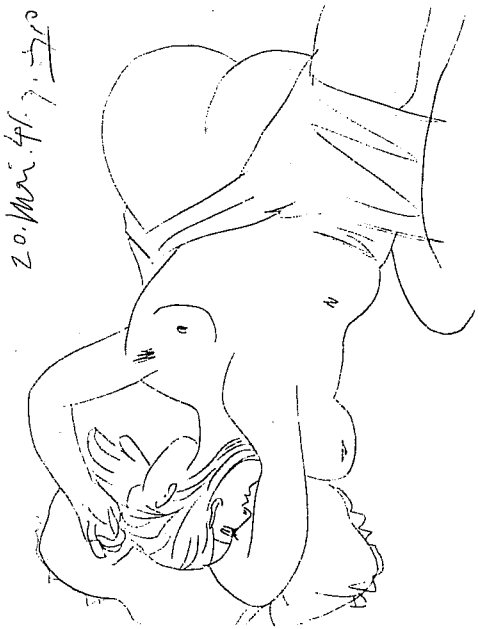

Рис. Пикассо. Natura: Дина Верни. 1941 г.

Концептуальная конструкция Владимира Янкилевского, выставленная сейчас в музее, имеет не менее замечательную историю.

Сын известного французского коммуниста, Поль Торез был одним из первых пропагандистов и покровителей советского “нонконформизма”, верным другом творцов подпольного искусства, защитником их интересов в западной прессе. Дина Верни сразу заметила Янкилевского, и в 1978 году, в наемном грузовике, Поль Торез вывез на Запад его огромную инсталляцию, разобрав ее по частям как ненужный хлам. Ленинградская таможня, удивленная странным багажом французца, пропустила его, не взяв ни одного рубля!..

Произведение собрали в Париже. Теперь оно украшает отдельный зал фонда Дины Верни.

Москвич Эрик Булатов — автор сатирических композиций, где реальное изображение пересекается с шрифтовыми лозунгами типа “Опасно”, “Входа нет” и т.д. Используя известную картину Эжена Делакруа “Свобода на баррикадах”, Эрик Булатов сделал свою смешную и благородную композицию большого размера с русскими буквами, что совершенно меняет смысл картины французского художника.